

детектив - событие

Евгения Михайлова

АПОСТОЛЫ СУДЬБЫ

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Апостолы судьбы

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Апостолы судьбы / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2011 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-090729-8

Еще вчера певица Каролина слыла некрасивой и бесталанной. Мужчины обходили ее десятой дорогой. А сегодня Каролину преследуют богатейшие поклонники, даря ей баснословно дорогие подарки... Какой-нибудь месяц назад Катя не мыслила своего существования без любимого мужа. Но теперь рядом с ним чувствует животный страх и ждет момента, чтобы сбежать из дома... Легендарному адвокату Петру Равникову, защищающему самых могущественных людей страны, чуждо милосердие. И уж совсем не хочется и некогда вникать в жестокое бытовое убийство. Однако в назначенный день он является в зал суда. Судьбу можно запрограммировать, а ее сценарий заказать и оплатить. Однако исход такого вмешательства ведом лишь Всевышнему...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090729-8

© Михайлова Е., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгения Михайлова

Апостолы судьбы

© Михайлова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Мир стал враждебным. Все восстало против Кати: темнота и свет, тишина и звуки, неестественные, навязанные сны и тяжелое бодрствование, в котором не было ни минуты покоя и свободы. Больше всего Катю убивало то, что в этой тотальной оккупации невозможно было затаиться под собственным одеялом, прижавшись лицом к подушке. Потому что рядом, не спуская с Кати глаз, напряженно дышал самый опасный, самый чужой человек. Господи, совсем недавно она считала его своим мужем! Катя задыхалась. Легким необходим воздух, но он вытеснен из маленькой комнаты страхом, ненавистью и гневом. Тише! Катя сжала кулачки под одеялом. Он, кажется, уснул. Нельзя спешить. Нужно дождаться храпа. Через пять минут Катя неслышно соскользнула с кровати и на цыпочках, босиком, пробралась в прихожую. Ей удалось тихо отжать щеколду. Дверь чуть скрипнула, но похрапывание в комнате не прервалось. Катя быстро взглянула на висевшее на вешалке пальто, на сапоги у двери... Нет, одеваться некогда. Она выбежала в ночной рубашке на площадку, проскочила четыре лестничных пролета, толкнула дверь подъезда и оказалась одна посреди холодной февральской ночи.

* * *

Дина села в свой золотистый «Пежо» и облегченно вздохнула. Она вынесла этот утомительный, нагоняющий тоску прием, на который ее пригласил один из известнейших европейских торговых домов, открывший представительство в Москве. Сначала был показ шуб, потом – в качестве оригинального контраста – демонстрация женского и мужского нижнего белья. Женские гарнитуры из шелка и дорогих кружев, украшенные дорогими камнями – все натуральное, никаких стразов, – представляли собой пленительное зрелище даже на моделях, большинство из которых состояло из костей и мускулов. Но как ни крути, лениво размышляла Дина, это всего лишь бюстгальтеры и трусики, имеющие пусть очень романтизированное, но все же конкретное назначение. И вряд ли это большое удовольствие – сидеть на крупных жемчужинах или ощущать между ног рубин величиной с яйцо. Вариант с рубином явно приглянулся известной тусовщице. Она дергала всеми конечностями, шмыгала носом с явным признаком неудаленных полипов и что-то возбужденно шептала на ухо любовнику-миллионеру, щуплому малому с кислой физиономией и тонкими пальцами еврейского музыканта. Дина оглянулась вокруг. За ней раскрученная в сериалах актриса усердно делала вид, что не замечает нацеленных на нее объективов. Она не сводила глаз с подиума, по которому прохаживались статные ребята в декольтированных трусах. Актриса, заметив рядом с собой репортера желтого издания с диктофоном, томно заерзала, облизнула силиконовые губы и громко сказала соседке, эстрадной певице: «А мне нравится! Посмотри, как аппетитно смотрятся ягодицы в этих разрезах».

К счастью, все кончается, даже декольтированные трусы. Дина быстро встала и хотела незаметно улизнуть. Но ее перехватил один из менеджеров торгового дома.

– Вы должны украсить наш банкет. Буквально пятнадцать минут. Могу гарантировать: никаких снимков. Наша охрана проследит.

Дина была лицом сети элитных ювелирных салонов «Черный бриллиант», принадлежавшей ее дяде. Ричард Штайн, один из самых крупных финансистов планеты, несколько лет назад отыскал свою единственную родственницу в час ее великой беды. Редкой красоты девушка, талантливая журналистка потеряла всех близких, бросила работу, закрылась в маленькой ветшающей квартирке и вела жизнь, больше похожую на умирание. Дина заставляла себя существовать ради щенка, которого отобрала на улице у буйной алкоголички. О том, что у нее

есть дядя, она даже не догадывалась. Ричард подарил ей весь мир, Дина вернула ему родину. Страну, которую когда-то с разбитым сердцем покинул его прадед. Ричард нашел и то, что многие годы искал по всему миру, – совершенную модель. В ее лице было все, о чем может мечтать эстет: совершенный овал, удлинённой формы глаза цвета зеленой воды, полный рот удивительно красивого рисунка. И еще магнетизм, иначе не скажешь. То, что заставляет людей выпадать на время из действительности при виде ее портретов.

В контракте с Ричардом не было пункта, запрещающего ей работать с другими фирмами. Но Дина всем говорила, что такой пункт есть. Она не любила лишних людей и суеты. И, если честно, была патологически ленива. В последнее время Дина поправилась и по этой причине не держала дома сладкого. Пришлось дожидаться, когда сладкое появится на столах банкетного зала. Дина собиралась только посмотреть, что они приготовили. Но, увидев, обреченно вздохнула. И съела сначала десерт из взбитых сливок, заварного крема, сливочного ликера и свежей клубники. Виновато взглянула на ближайших дам, которые томно лизали что-то ядовито-зеленое и безкалорийное. Заметила несколько нервных, нетерпеливых взглядов, брошенных в сторону бутылок с разнообразным алкоголем на подносах официантов. Успокоилась и усугубила свою участь большим шоколадным пирожным с восхитительным кремом. И после бокала шампанского ей стало казаться, что вечер прошел не зря. У двери Дину ждал главный кулинар, давно заметивший пристрастия красавицы и полюбивший ее за них как родную.

– Настоящему ценителю нашего искусства, – он склонил большую голову, сверкнув розовой кожей под редкими светлыми волосами, и протянул небольшой пакет из красной фольги.

– Ой, – вздохнула Дина. – Это уже похоже на эвтаназию. В смысле – я очень благодарна. Вы – волшебник.

Охрана устроителей проводила ее до машины. Она протянула водителю Николаю Ивановичу пакет с пирожными.

– Возьмите, пожалуйста, Оле и детям и спасите меня от ожирения.

Дина опустила окно машины и с наслаждением вдохнула ночной воздух. Пахнет весной? Может, самую чуточку. Холод вообще-то собачий, хоть март начнется уже через два дня. Но все равно хорошо. Только по ночам она загадочна и прекрасна, эта бестолковая, суетливая Москва. Дина остановила машину за квартал до своего дома на Соколе, где на двадцать пятом этаже был ее пентхаус.

– Я пройдусь, Николай Иванович. Спасибо. Спокойной ночи.

Дина застегнула шубу, сделала несколько шагов по тротуару, покрытому ледяной коркой. И вдруг перед ней выросла черная нелепая фигура.

* * *

У Вовки-Кабанчика началась непруха. Он почувствовал, как ночной мороз покусывает его ноги в мокрых туфлях. Носки он не носил из соображений гигиены и экономии. Спина ныла, глаза слезились. Вовка вспомнил свое место у горячей трубы в подвале дома у метро «Белорусская» и огорченно вытер нос рукавом пальто. Туда никак нельзя. Он огляделся. Куда это он забрел? Ни одной чертовой помойки. А жрать до того хочется, что замучился слюну глотать. Вовка посмотрел на темно-серый лохматый комок у своих ног. Дрыхнет цуцик. Уморился. Валить от него надо по-тихому. В такой компании ночлег не найти. Вовка сделал несколько шагов, стараясь ступать бесшумно, потом, как ему казалось, побежал. На самом деле он просто тащил по земле свои падающие с голых пяток туфли и задыхался под намокшим тяжелым пальто. Вдруг что-то коснулось его ладони – влажное и холодное. Вовка оглянулся: серый щенок ласково смотрел ему в лицо и помахивал пушистым хвостом.

– А ну пошел! – Вовка сделал страшное лицо и топнул ногой. Пес не шелохнулся. Вовка оглянулся, нашел взглядом какую-то тряпку, поднял, скрутил жгутом, привязал один конец

к ошейнику и потащил собаку к металлической ограде вокруг высотного здания. Привязал и пошел, не оглядываясь. Пес сначала залаял, а потом так страстно, отчаянно завыл, зарыдал, что Вовка споткнулся.

– От е-мое, – в досаде проговорил он и вернулся к забору. Развязал тряпку и устало присел рядом с собакой. Какой же он теплый и мягкий, этот цуцик. С ним насмерть не замерзнешь. Вовка прикрыл глаза.

Позавчера все было иначе. Вовка проснулся, как всегда, поздно, съел припрятанную с вечера булку с колбасой. Потом долго плевал на ладони и чистил свое черное пальто. Подкладкой протер туфли. Вышел из подвала и зажмурился. В глаза било солнце. Вовка не спеша дошел до Земляного Вала. Там был его любимый магазин «Седьмой континент». Вовка вошел с деловым видом, долго бродил по залу, слишком внимательно разглядывая ценники. На самом деле он давно знал, где лежит то, что ему нужно. Минут через двадцать он с тем же озабоченным видом прошел мимо одной из касс, непринужденно помахав обеими руками: я, мол, без покупки. И тут началось. Схватили, повели, какой-то амбал крепко держал его за шиворот. В кабинете администратора вытащили все из большого кармана, любовно пришитого к подкладке: бутылку «Мартини», палку сырокопченой колбасы, вареные королевские креветки, коробку английских шоколадных конфет.

– Ну, ты придурок! – почти восхищенно сказал амбал. – Седьмой раз только мне попадаешься. И всегда одно и то же.

Приехали менты. Конечно, не удивились. «Опять ты», – меланхолично сказал знакомый рыжий. Повели его вроде бы в отделение. А у машины рыжий дал ему коленом под зад и сказал:

– Вали отсюда! Еще раз попадешься с «Мартини»...

Менты уехали. Тут Вовка и увидел цуцика. Пес смотрел на него и вилял всем своим лохматым телом, проявляя любезность и дружелюбие. Вовка показал ему пустые руки и даже вывернул карманы для наглядности. «Видишь? Нема ничего». Щенок деликатно отвернулся, но как только Вовка двинулся с места, пошел за ним. Им везло. На пути попались столики вокруг палатки «Куры-гриль». Вовка сразу заметил группу мужчин, пришедших сюда не столько поесть, сколько выпить и закусить. Он сделал озабоченное лицо и небрежно сказал: «Ребята, косточки не выбрасывайте. Собачонка надо кормить. Собачонок вот привязался». Мужики взглянули на забавную морду с черными блестящими глазами и нетрезво умилились. А потом отсыпали – не меньше чем полторы курицы. Вовка быстро схватил пакет, нашел укромное место за углом дома, и они с собакой хорошо пообедали. И дальше у них все неплохо складывалось. Вовка-Кабанчик, бомж бог знает с каким стажем, понял, что песик вызывает у людей гораздо больше симпатии, чем он сам. Но это его не обидело. Наоборот, Вовка стал планировать совместное благополучное будущее. Когда они, сытые и усталые, пришли в подвал, где у Вовки имелся свой угол, матрас и тумбочка, на которой лежала расческа, там еще никого не было. Вовка расстелил пальто, служившее по ночам постельной принадлежностью, расстегнул брюки и лег. Пес прыгнул ему под бок и уютно засопел.

Проснулся Вовка поздно ночью. Подвал был уже обитаем. За столом – доской на двух пеньках – сидели Фарид, Петька-Косой и Надька Оторва. Фарид и Петька жили здесь уже несколько месяцев, Надька имела еще и параллельные точки приземления. Все трое были сильно пьяные. Фарид потянул Надьку в свой угол. Та заковечьяжилась и жеманно сказала: «Отстань. Я с Петькой сегодня ляжу». Дальше все произошло как в дурном сне. Фарид разбил пустую бутылку о Надькину голову, а потом с диким рыком воткнул «розочку» ей в горло. Хлынула кровь, зашелся в лае пес. Вовка сжался и зажмурил глаза, будто он спит. Но Фарид, оглянувшись, увидел собаку и взревел: «Кто привел! Убью! Зарежу!» Он бросил окровавленный осколок бутылки, схватил со стола нож и двинулся к Вовкиному матрасу. Собака задрожала, оскалилась и не очень умело зарычала. Вовка быстро вскочил:

– Ты че, Фаридик! Да ты че! Это цуцик мой. Я ничего не видел. Мы сейчас уходим.

Он набросил на плечи пальто, прикрыл полой шенка и по стенке стал пробираться к выходу. На улице перевел дыхание, добежал до соседнего дома и увидел из-за гаража, как из подвала выскочили Фарид и Петька. Все. Накрылся номер люкс. Теперь от этого дома надо держаться подальше. Они брели часа два. За это время Вовка понял: бывают ситуации, когда собака не в помощь, а совсем наоборот. А вот убежать от своего цуцика не смог. Вовка прижался еще теснее к теплому тельцу и задремал.

* * *

Катя бежала босиком по обледеневшей земле, но не чувствовала холода. Фонари почему-то не горели. Только стройка большого дома была тускло освещена. Катя споткнулась о разбитый кирпич, больно ушиблась, дотронулась до ступни и увидела кровь на ладони. Но боль мгновенно прошла. Со строительной площадки выехал темный, крытый грузовик, поравнялся с Катей и остановился. Она побежала, не оборачиваясь. Вдруг крепкая рука поймала ее за локоть. Похолодев от страха, Катя оглянулась: перед ней стоял крупный широкоплечий парень в черной куртке. Его лицо было открытым и симпатичным.

– Поехали со мной? – мягко предложил парень, не выражая удивления по поводу Катиного вида. – Там ребята. Захватим их. Посидим, выпьем. Ты замерзла, наверное.

– Нет, – решительно выдернула руку Катя. – Мне некогда... У меня кое-что случилось.

Парень медлил. Катя повернулась к нему спиной и пошла быстрым шагом. Она слышала, как машина тронулась, затем остановилась. Водитель обогнал ее и преградил дорогу.

– Ну, давай без ребят. Со мной поедешь? В машине тепло. Мне одному скучно.

Катя прекрасно понимала, что нужно убежать, прятаться от назойливого незнакомца. Но кто-то, управляющий ее поступками со стороны, отдал приказ, и она кивнула. Послушно отправилась за парнем, подошла к машине, вскарабкалась в высокую кабину. Они поехали. Катя с любопытством смотрела в окно. Закончились знакомые дома, мелькнуло несколько станций метро и началась пустынная темная трасса.

Водитель гнал так быстро, что у Кати в груди стало щекотно, как в детстве во время полета на качелях. Прошло не меньше часа, а может, и много часов. Местность за окном стала мрачной, как в фантастическом триллере. Разрытое поле, рядом то ли руины, то ли начало строительства. Много какой-то брошенной техники. И ни души. Парень заглушил двигатель, посмотрел Кате в лицо. «А ты красивая. Иди ко мне». Страх не было. Катя не чувствовала даже неудобства. Она по-прежнему себе не принадлежала. Спинка сиденья откинулась. Он был в ней, этот огромный незнакомец. Катино тело не протестовало. Оно было совершенно безучастным. А сердце вдруг зашло от нежности и жалости. Катя несмело провела ладонью по красивому лицу парня, обняла его за крепкую шею, заглянула в глаза.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты плачешь? Не надо...

* * *

Дина сунула руку в карман шубы. Опять забыла газовый баллончик. Черный силуэт явно направлялся к ней. Когда человек приблизился, она увидела, что он не один. Рядом семенил смешной лохматый пес. Дина облегченно вздохнула. О маньяках-собачниках она никогда не слышала.

– Слышь, девка. Не бойся, – сказал незнакомец. – Собачонок тебе не нужен? Цуцик. Хороший. Умный. Привязался вот. А мне никак. Убьют его со мной. Или с голоду подойдет.

– Вы продаете собаку? – совсем успокоилась Дина.

– Да бери так. Халява, значит.

– Но у меня есть собака. А чей это щенок? Он бездомный?

– Ошейник у него есть. Неблехастый. Может, порода какая...

Дина открыла рот, чтобы решительно сказать: «Нет!» – но тут по неосторожности посмотрела на собаку. Сквозь спутанные лохмы на нее уставились горячие блестящие глаза. Опущенные ушки поднялись. И весь пес, похожий на мягкую игрушку, превратился в трепет и ожидание. Дине стало жарко. «Он все понял».

– Хорошо. Я его возьму. Что-нибудь придумаю. Может, на ошейнике есть телефон? Вы не смотрели?

– Да мне без разницы. Я по телефонам не звоню. Возьми. Пусть хоть поест-поспит втепле. Голодный он.

Дина отцепила ручку-цепочку от золотистой сумочки и просунула ее под ошейник.

– Я посмотрю. И, конечно, он поспит-поест. А вы кто?

– Вовка. Вовка-Кабанчик. Для друзей. Бомжую я. Типа без места жительства. Так я пойду?

Он повернулся, ссутулился, подготовился к долгому пути и с недоверием оглянулся, когда Дина его окликнула.

– Подождите. Собаку нельзя брать бесплатно. Счастья у нее не будет. Возьмите, пожалуйста.

Вовка молча зажал в ладони две бумажки и долго смотрел вслед Дине, уводящей его цуцика, не совсем понимая причину пустоты и дискомфорта у себя в груди. Потом медленно дошел до фонаря, посмотрел на купюры и сказал себе без особой радости: «Ну, ни фига!» На ладони лежало двести долларов.

Глава 2

Парень поднялся, застегнул брюки, закурил. Потом притянул к себе Катину голову и крепко поцеловал ее в губы. Катя с детства ненавидела табачный дым, но сейчас запах дешевых сигарет был ей даже приятен. Она внимательно смотрела в небольшие серые глаза. В них действительно блестят слезы или ей это просто кажется?

– Я скоро приду, – сказал он. – Мне нужно тут... недалеко... заглянуть.

Катя кивнула. Но как только осталась одна, почувствовала: к ней вернулось то состояние, от которого она бежит, как от смерти. Тоска, нетерпение, чувство бесконечного одиночества и уверенность в том, что за ней кто-то неотступно наблюдает. Надо бежать. Катя выглянула в окно кабины. Ни людей, ни домов. Куда бежать? Взгляд ее упал на руль, кнопки, рычаги управления. Она не любила технику вообще и автомобили в частности. Муж Игорь три раза покупал подержанные иномарки и столько же раз их продавал. Интервал между сделками был, как правило, мал и определялся кривой их финансовой нестабильности, которая все время почему-то стремилась к нулю. Но даже тогда, когда у них была своя машина, Катя избегала на ней ездить. Ей не нравилось, что вся эта хлипкая ерунда, которую нужно дергать, нажимать, крутить, все время перед глазами. Даже в самолете Катя чувствовала себя гораздо спокойнее, потому что не наблюдала за процессом управления. Но над всеми остальными чувствами преваляло желание передвигаться. Причем как можно быстрее. Катя зачем-то надела оставленные водителем большие черные перчатки без пальцев и стала храбро нажимать все кнопки, тянуть разные рукоятки, крутить руль. Она удивилась тому, что машина не сдвинулась с места. Но отчаяния не было. Как обычно в последнее время, решение пришло внезапно извне. Катя открыла дверь кабины и спрыгнула босыми ногами на подмерзшую грязь. Пошла, не выбирая направления. Времени она не чувствовала. Но заметила, что небо стало светлеть.

* * *

Топик радостно залаял, услышав, как Дина открывает дверь. Когда увидел рядом с ней незнакомого пса, обалдел и попятился.

– Знакомьтесь, ребята, – сказала Дина, вытащив цепочку из-под ошейника гостя. – Только без драк, пожалуйста. Я тебя, Топик, имею в виду.

Но ревнивый и импульсивный огненно-рыжий Топаз повел себя неожиданно миролюбиво. Осторожно подошел к оробевшему визитеру и вежливо обнюхал его со всех сторон. Тот ответил тем же.

– Ну, хватит пока, – остановила реверансы Дина. – Сейчас этот тип будет у нас мыться-купаться. Потом устрою поздний ужин. Обоим. Так и быть. А еще попробуем имя определить и подумать, можно ли хозяина найти.

По тому, как спокойно вел себя найденыш во время купания, можно было с уверенностью заключить, что он приучен к дому и цивилизации.

– Что с тобой приключилось, дурень лохматый? – ласково спрашивала Дина, укладывая феном богатую шерсть трех оттенков серого цвета. – Прямо чернобурка какая-то, – Дина восхитилась, увидев результат. Пушистое, сверкающее чистотой и качественным мехом существо смотрело на нее, не моргая, темными, круглыми преданными глазами. Дина, не сдержавшись, поцеловала блестящий черный нос. Пес, негромко взвизгнув от избытка чувств, облизал ей лицо. За закрытой дверью раздался возмущенный лай Топика.

После того как собаки плотно поужинали говяжьей вырезкой, Дина вышла с ними на террасу. Найденыш с любопытством разглядывал и обнюхивал незнакомое место. Топик при-

стально наблюдал за ним. Дина время от времени называла разные собачьи имена. Реакции никакой. Дина уже отчаялась, когда пес внезапно отреагировал на имя «Чарли». И только тут она вспомнила про ошейник, который оставила в ванной. На нем могут быть имя и адрес! На ошейнике действительно обнаружилась пластинка. Имени там не было и адреса тоже. Просто какие-то непонятные цифры, не соответствующие московским номерам телефонов. На мобильный тоже не похоже. Может, это все-таки адрес? В Зеленограде улицы без названия – только цифры. Может, еще где-нибудь такие. Или телефон не московский...

Дина сидела на диване в гостиной, а собаки лежали рядом на полу и старались держать открытыми слипающиеся глаза.

– Ладно. Утром подумаем. А сейчас спать.

Дина положила на диван пушистый плед, свернутый вчетверо, и маленькую подушечку: «Это для Чарли. Ты понял? Будешь спать здесь». Она вышла на кухню и вернулась с пластмассовым лотком: «А это на всякий случай. Ты уж меня не буди, ладно?» Когда Дина с Топиком поднимались по лестнице в спальню, Чарли уже лежал на своей постели и спокойно смотрел им вслед.

– Как же я устала, – пожаловалась Дина, разжигая камин. – Будем спать долго, ладно?

Но даже после горячей ванны с ароматной, успокаивающей пеной она чувствовала себя взвинченной. Голова была забита моделями шуб, сверкающими гарнитурами белья, знакомыми и впервые увиденными лицами, услышанными фразами, разговорами. Внезапно перед внутренним взором возник силуэт Вовки-Кабанчика, потеснив праздную пеструю толпу. Дина зябко поежилась. Куда он пошел, бедняга? Надо же, позаботился о чужой собаке. Ах, какая ж она дура. Дала ему доллары. Как он их поменяет? Нет. Так невозможно. Нужно заставить себя не думать, а почувствовать блаженство уединения и уснуть. Она глотнула таблетку легкого швейцарского снотворного и улеглась с новым детективным романом в руках. Топик уже возлежал на подушке рядом. Дина почитала, погасила лампу, немного полежала в тишине, глядя на догорающий в камине огонь, качнулась на первой сладкой волне сна. Но вдруг открыла глаза и села. Что-то темное маячило на ковре у камина. Дина зажгла свет. Ах ты умница! Нашел нас. Пес тихонечко лег к теплу поближе. «Чарли ты мой милый!» Сопение двух собак – лучшая колыбельная. Как хорошо, что я повесила эти черные шерстяные шторы в маленькую звездочку. Мы будем спать сколько влезет. Дина с наслаждением потянулась, и тут раздался телефонный звонок. Господи! Три часа ночи!

– Да. Кто это? – испуганно произнесла она.

– Это Игорь. Муж Кати. Дина, у нас беда. Катя исчезла.

– В каком смысле? Когда?

– Да вот прямо этой ночью. Я уснул, и она выскочила. Понимаешь, что ужасно. Она не оделась. Пальто, сапоги, куртка, плащ – все на месте.

– Ты как-то странно говоришь. Почему она вообще выскочила? Что случилось?

– Случилось. Понимаешь, с ней что-то случилось. Она стала странной. Я бы даже сказал – неадекватной.

– Катя?

– Да. Я никому не говорил. Сейчас понимаю, что это ошибка. Я даже отпуск взял, потому что ее нельзя было оставлять одну. Она не ела, не спала, все время куда-то рвалась. Представляешь, открывала окна, становилась на подоконник... Я не могу рассказывать. Все так ужасно.

– Может, между вами что-то произошло? И это реакция? Срыв?

– Ничего между нами не происходило – ни плохого, ни необычного. Если, конечно, не считать того, что она стала меня бояться и, похоже, даже ненавидеть...

– Я не понимаю.

– Я тоже. Дина, сейчас дело уже не в этом. Ее нет! Мы лежали рядом, я уснул, а она убежала из дома. В ночной рубашке, возможно, босиком. Тапочки стоят у кровати. Прошло

часа два. По телевизору вечером говорили, что по утрам находят замерзших людей. Ты знаешь, как она боится холода. Я не знаю, что делать.

– Ты в милицию звонил?

– Да звонил. Легко представить, что мне сказали. «Может, к соседям пошла». Это среди ночи, раздетая! «Если не появится через три дня, приходите с заявлением». Дина, что делать? У тебя же знакомые в прокуратуре, Катя говорила. Может, ты кому-нибудь позвонишь?

– У меня есть приятель – бывший следователь Генеральной прокуратуры. Сейчас он частный детектив. Что даже лучше. У него связи, где нужно. Но что он придумает в такое время? Игорь, боюсь, нам придется ждать до утра. Ты сможешь?

– Нет. Я пойду искать. Вокруг наших домов уже пробежался, но это, конечно, не поиски.

– У Кати есть ключи от квартиры?

– Нет, конечно. Сумка, кошелек – она ничего не взяла. Но я оставлю дверь открытой. На случай, если мы разминемся.

– Нет. Кто-то должен быть в квартире. Вдруг она позвонит. Я собираюсь. Приеду минут через сорок. Обязательно дождись.

Дина прошла к себе в гардеробную и дрожащими руками натянула темные джинсы, свитер, теплую куртку. Придется брать такси. Будить водителя Николая Ивановича она не станет.

На улице промозглый ветер нес какую-то мелкую гадость: то ли дождь с градом, то ли колючий поздний снег. Дина почти бросилась под первую же машину и торопливо проговорила:

– Пожалуйста, к метро «Беляево». Я хорошо заплачу. У меня несчастье.

В машине она попыталась осознать то, что говорил Игорь. Это невозможно. Какой-то бред. Спокойная, красивая, никогда не теряющая головы Катя, лучшая подруга. Да разумнее ее нет никого. Может, это он свихнулся? Игорь? Дина взглянула в окно и вдруг отчетливо услышала голос своего ночного незнакомца: «Возьмите собачонка. Убьют его или с голоду помрет со мной. Бомжую я». Дина с трудом сдержала стон. Умная Катя доверчива и наивна, как ребенок. И она не выносит холода.

* * *

Катя бежала к огромной темной машине, как к последнему убежищу на земле. У грузовика с открытым кузовом возился мужчина в яркой вязаной шапочке.

Катя без раздумий направилась к нему. Он оглянулся, всплеснул по-женски руками:

– Вай! Ты почему такой раздетый?

«Наверное, армянин, – подумала Катя. – Они добрые». Хотела что-то объяснить, попросить помощи, но не знала какой.

– Подожди, дорогая, – заговорил армянин, оказавшийся молодым парнем с круглым румяным лицом. – Там моя сестра, – он показал в сторону жилого вагончика, перед которым вешала на веревку белье женщина в платочке. – Мы тут живем. Она даст одежду, мы поедем на работу, а ты можешь отдохнуть в вагоне. У нас плитка есть, матрас. Пока садись в машину, погрейся.

Катя уже привычно забралась в высокую кабину, и плотное, пахнущее бензином тепло окутало ее как одеяло. Она прикрыла глаза. Открыла их, когда армянин сидел рядом, держа на коленях какие-то тряпки. Катя улыбнулась. Он покраснел еще больше и тяжело задыхался.

– Не спеши, – шептал он ей в ухо. – Ты весь замерз. Такой красивый...

Его дыхание было несвежим, руки потными, но Катя не чувствовала отвращения. Только горячую жалость.

– Конечно, – сказала она парню. – Ты только не волнуйся, я с тобой. – Она посмотрела в карие глаза с темными ресницами. – Ты плачешь?

– Да, – немного удивленно ответил армянин. – Я плачу от тебя, дорогая.

Когда он освободил ее от своей тяжести, Катя села, поправила роскошные каштановые волосы и попросила: «Я хочу пить». Армянин кивнул и пошел к вагончику. Катя натянула принесенные им тренировочные штаны, желтую застиранную рубашку без пуговиц, завязала ее узлом на животе, набросила черную нейлоновую куртку. Обнаружила стоптанные мальчуковые ботинки и толстые носки. Ботинки можно было не мерить: велики размера на три. Катя скатала шарики из носков и затолкала в обувь. Теперь будут держаться. Она открыла дверцу кабины, выскочила и побежала, забыв об усталости, жажде и армянине, который стал ее третьим в жизни мужчиной.

* * *

Дина положила в чашку три ложки растворимого кофе, плеснула кипятком. Заглянула в холодильник, нет ли там молока. Там не было ничего. И это не единственное свидетельство того, что в доме неладно. Маленькая, обычно чистая, очень уютная квартирка со старой мебелью, недорогими, но со вкусом подобранными безделушками сейчас выглядела как приют случайных людей, поселившихся здесь недавно и ненадолго. Кровать расстелена, белье скомканное и не очень чистое. Старинное покрывало с удивительно красивой ручной вышивкой, доставшееся Кате от прабабушки, валялось на давно не мытом полу. Катя так им дорожила! Вещи, которые обычно висели в большом стенном шкафу, повсюду разбросаны, а Катя следила за одеждой, все постоянно чистила, проветривала. Она даже выбросила большую плетеную корзину для грязного белья, чтоб не было соблазна что-то в ней оставить. Она все стирала в момент загрязнения. Дина заглянула в ванную и увидела кучу грязных полотенец на полу. Вообще-то Игорь мог бы и сам... Нет, пожалуй, он ничего не мог, кроме того, что делал, – стерег Катю до сегодняшней ночи. Дина вздрогнула, когда он открыл ей дверь. Он похудел килограммов на пятнадцать. Глаза провалились, на щеках отливала серым тоскливая щетина. Они недолго разговаривали. Игорь уже собрался уходить – искать Катю. Но даже того немногого, что он успел рассказать, хватило, чтобы Дина ему поверила. С подружкой действительно стряслась какая-то не поддающаяся пониманию беда. Может, Игорь и должен был поднять шумную тревогу, вызвать врачей, собрать консилиум. Но Дина понимала его поведение. У него, кроме Кати, нет другого смысла в жизни. Он ради нее существует. То есть внешне все выглядит как у всех. Очень любимый сын, родственники, друзья. Но все это, даже сын, нужно Игорю, когда рядом Катя. И он в ней, как всегда, был уверен. И вдруг она не то чтобы заболела или разлюбила. Она просто перестала быть собой. И Игорь здесь с ней закрылся. Думал, что прячет ее от беды. А Катя сама стала бедой...

Дина вздрогнула от телефонного звонка, бросилась в прихожую.

– Это я, – голос Игоря срывался от усталости и отчаяния. – Она не появилась? У меня тоже ничего. Пойду еще искать.

– Игорь, уже утро. Ты сам где-нибудь свалишься. Возвращайся. Я сейчас Сергея вызову, частного детектива и моего большого друга по совместительству. Думаю, пора искать профессионально. А я до его приезда выскочу в магазин.

Сергей приехал, когда Дина жарила омлет на кухне, а Игорь сидел в комнате на диване, глядя перед собой воспаленными, ничего не видящими глазами.

Они уселись за круглым кухонным столом. Дина рассказала все, что смогла.

– Надо было сразу мне звонить, – резко заключил Сергей. – Раздетая женщина среди ночи, не в себе. Вы представляете, что могло произойти? Да у нас здоровым, одетым мужикам белым днем не всегда удается дойти до места.

– Сережа, – укоризненно зашипела Дина, показывая глазами на убитого горем Игоря.

– Ребята, сейчас не время друг друга щадить. Наоборот, мы сознательно будем исключать самые нежелательные варианты... С вашего позволения я только доем омлет, к которому вы все равно не притронулись. Меня нисколько не смущает то, что это не кондиция.

– Свинья, – пробормотала Дина, придвигая к Сергею еще две тарелки с омлетом и блюдо с консервированными помидорами и огурцами.

– А какие нежелательные варианты? – вдруг недоуменно спросил Игорь.

– Черт, старик, – Сергей посмотрел на него с жалостью. – Только то, что узнают в таких случаях. Происшествия, больницы. Морги... Извини. Но это просто необходимо исключить. Я позвоню ребятам из МВД, они сразу начнут наводить справки. Потом будем дальше решать.

– Звони отсюда. А мы с Игорем уйдем в комнату, – предложила Дина. – Скажешь нам, если что-то узнаешь. Ты, Игорек, полежишь, попробуешь уснуть. Я рядом посижу, почитаю.

– Да, – тихо согласился Игорь. – Только в ванную зайду. Умоюсь. – Он закрыл за собой дверь, пустил сильную струю воды в раковину и опустился на пол. Дина замерла в коридоре, прижав ладони к сердцу. Сквозь шум воды она ясно слышала сдавленные рыдания.

Глава 3

Вовка-Кабанчик провел остаток ночи в подъезде со сломанным кодовым замком. Вышел рано, посидел на скамейке, поплевал на пальто и потер его. Это немного его взбодрило, как любая гигиеническая процедура. Но все равно чувствовал он себя паршиво. Скулил голодный желудок, болела голова, ныли суставы. Хотелось выпить. И даже не то чтобы выпить. Хотелось испытать какую-нибудь радость. И тут он вспомнил ночь, цуцика, красивую даму в шубе. «Ёб...» – хлопнул он себя по лбу и сунул руку в карман. Ему не приснилось! Там действительно оказались две зеленые бумажки с приятными цифрами 100. «Во хрень! – взволнованно сказал себе Вовка. – И чего я тут...» Он побрел, не очень ясно представляя себе, где находится, но ноги сами привели его к «Седьмому континенту». Вовка нащупал в кармане купюру и искал глазами обменный пункт. Он его нашел. Люди из небольшой очереди выгребали из лотка деньги без всяких паспортов. Но если бы у Вовки даже спросили паспорт, он бы его показал. Нормальный, российский, общегражданский, с московской регистрацией. Улица, дом, квартира. Только по этому адресу давно не живут даже крысы. Один из последних московских барачков был снесен задолго до того, как Вовке поставили эту прописку. В другой жизни Владимир Васильевич Серков, на имя которого и был выдан паспорт, жил в обычной панельной пятиэтажке с мамой-пенсионеркой, работал слесарем в своем ЖЭКе. Когда мама умерла, он растерялся, сильно запил, стал водить домой вмиг появившихся приятелей. Они – своих приятелей. В один из таких чумных вечеров у Вовки пропал паспорт. А через какое-то время он очнулся на свалке за городом – ничего не помнящий, избитый, раздетый, в одном тренировочном костюме. В кармане штанов он обнаружил потерянный паспорт с новой регистрацией и копию документа, согласно которому Владимир Васильевич Серков продал свою двухкомнатную квартиру неизвестному гражданину и купил другую по адресу, указанному в регистрации. Он нашел это место. Там, где давно снесли барак, скучно застыла стройка нежилого объекта, замороженная несколько лет назад. Сходил он и по старому адресу, обращался в милицию. После этих попыток утвердиться в гражданских правах у него и стали ныть кости по ночам и в непогоду, а во рту осталось восемь зубов. Хорошо, что есть коренные: жевать можно. Выяснилось, что люди живут и на свалках, в подвалах, в таких дырах, куда и бездомная собака не полезет. Выжил и Вовка. Только похоронил в душе Владимира Васильевича Серкова, оставив на память паспорт. Нашлись для Вовки места, приросла кличка. Кабанчиком его называли за привычку есть по ночам, обязательно в одиночку, добытую за день еду. Он раскладывал все на тумбочке, принесенной с помойки, – и ел, аккуратно, не торопясь, со вкусом, как будто это ужин, приготовленный мамой.

...Вовка постоял немного в вестибюле, а потом решительно прошел мимо обменного пункта прямо в богатый торговый зал, где все радовало глаз, а запахи кружили голову.

* * *

Дина подъехала к своему дому, когда Анна Ивановна, ее помощница по хозяйству, вела с прогулки Топика и Чарли.

– Анна Ивановна, – извиняющимся голосом сказала Дина, кивнув на Чарли. – Понимаете, так получилось.

– Да понимаю я, откуда ночью берутся незнакомые собаки, – улыбнулась Анна Ивановна. – Сразу сообразила, еще до того, как записку твою прочла. Ничего. Зверь симпатичный, умный, ласковый. Не такой красавец, как наш Топаз, но и не такой своенравный. Ты действительно будешь искать его хозяев или просто так написала – для меня?

– Попробую. У него ошейник есть с какими-то цифрами. Вроде и не телефон, и не адрес, но что-то же они значат. Я потом разберусь. Я, Анночка Ивановна, валюсь с ног и совершенно убита. Произошла ужасная история. Поднимемся, я вам все расскажу.

Когда собаки были вымыты, накормлены и мирно улеглись рядом подремать, Дина получила большую чашку капучино, с наслаждением вдохнула аромат и отказалась от тоста.

– Ох, нет, не могу, не проглочу куска. Потом. Ну, слушайте. Может, у вас возникнут какие-то соображения.

Анна Ивановна уселась поудобнее и стала внимательно слушать, а Дина в очередной раз подумала, какое приятное и открытое у нее лицо. Дина очень доверяла мнению и опыту своей шестидесятилетней помощницы.

– Ну, и что вы думаете? – спросила она, закончив рассказ. – Вы же видели Катю. Она приходила к нам несколько раз.

– Конечно, я помню. Такая хорошенькая, спокойная, культурная. Непонятно, что с ней могло случиться? Но это сейчас второй вопрос. Надо ее найти. Не дай бог что...

– Сережа найдет. Он этим занимается, уже многих подключил. Пока есть один положительный результат: ее не нашли в моргах, больницах, сводках несчастных случаев. Хотя... у нее же нет с собой документов. Мужу кажется, что она вообще ушла из дому раздетой, но, может, она накинула что-нибудь. Ох, у них в квартире такое творится. Игорь совершенно потерял голову. Я купила немного продуктов, но он ничего не ест.

– Диночка, я все поняла. Сама собиралась это предложить. Конечно. Я поеду туда, приберусь, приготовлю. Может, еще как-то помогу. У телефона там посидеть, за лекарствами сходить. Кстати, насчет лекарств. Есть мужики, которым в горе выпить надо. А есть такие, которым ни в коем случае. Потом возни не оберешься. Игорь как?

– Он, по-моему, нормальный. Но я бы не стала рисковать. В их ситуации только запоя не хватало.

– Может, да, а может, и нет, – глубокомысленно заключила Анна Ивановна и стала собираться. – Ты мне адрес и как доехать напиши.

– Вы на машине поедете. Сейчас Николаю Ивановичу позвоню.

– Ой, не надо. Я люблю ногами походить, магазины рассмотреть, на рынке оглядеться. Забуду где-нибудь этого Колю. Потом его искать придется.

– А говорите, Топик своенравный. Ладно, пишу. Вот деньги, ключи от Катиной квартиры. Игорь сказал, можно не звонить. Он поспать собирался.

– Ты тоже отдохни. Я позвоню попозже.

Дина была в ванной, когда туда влетела осененная какой-то мыслью Анна Ивановна.

– Извини, я на секунду. Слушай, а это не слез? В смысле порча? У Кати твоей?

– Вопрос на засыпку, Анна Ивановна, – вздохнула Дина. – Но мысль интересная.

Дина прилегла на кровать, собираясь подремать минут двадцать, но сразу провалилась в глубокий сон. Она шла по густому лесу и никак не могла выбраться из него. И вдруг в просвете между деревьями увидела свою школу. Сердце забилось, как в детстве, когда бежала туда по утрам, боясь опоздать. Она пошла быстрее, но школа не приближалась. Вдруг за кустами мелькнул золотой хвост Топика. Дина позвала его, но он почему-то не оглянулся. Дина рванулась и увидела, что собака бежит за фигурой в белой рубашке. «Катя! – закричала Дина. – Подожди меня, Катя!» Она проснулась и провела рукой по взмокшему лбу. Где ты, Катя?

В дверь звонили. Она открыла. Озабоченный Сергей сказал с порога:

– Спокойно. Пока ничего. Понимаешь? Ничего плохого.

Они какое-то время сидели молча, пытаясь родить хоть какую-нибудь идею. Дина вздохнула и вышла на кухню.

– И все-таки нельзя сбрасывать со счетов возможность естественных поворотов в этой странной истории, – глубокомысленно произнес Сергей, когда Дина вернулась.

– Что ты имеешь в виду? – Дина поставила перед ним вазочку с клубничным мороженым и стакан апельсинового сока.

– Ой, вкусно как! – воскликнул он. – И лишних денег не берут.

– Помешались все на этой рекламе. Не отвлекайся. Какие повороты?

– Нормальные. Молодая привлекательная женщина переживает стресс, кризис, депрессию, раздрызг. За что-то обижается на мужа. Игорь сам говорил, что Катя его вроде бы возненавидела. Она дожидается, пока он уснет, выскакивает в рубашке, босиком из дома и... Продолжай: и...

– И... Чего ты хочешь от меня? – спросила она.

– Сиротских вкраплений сообразительности. Катя выскакивает из своего дома и заскакивает в другой. Скорее всего, в соседний. К мужчине, тугодумка ты несчастная. К другому мужику. Которого она, мягко говоря, не ненавидит.

– Это исключено, к сожалению.

– Почему ты так уверена?

– Потому что Катя – особенный, очень чистый человек. И честный. Она мне говорила, что Игорь у нее – первый и единственный мужчина.

– И ты, конечно, поверила.

– И речи не было, чтобы меня в чем-нибудь убеждать. Я поняла: она именно такой человек. Если она об этом сказала, значит, так оно и есть. В противном случае Катя просто не касалась бы подобной темы.

– Игорь тоже так думает?

– Надеюсь. Он же не дурак. Есть у него, конечно, признаки общемуужского идиотизма, но они не составляют его суть.

– Мысль ясна. А вот интересно, как ты думаешь с позиции общеженской мудрости: я сыт этой детсадовской размазней?

– Ты о чем?

– О том, чтобы пожрать по-человечески. Колбасы там побольше, хлеб, огурец какой-нибудь соленый. Да и бар, как мне помнится, в этом доме имеется.

– Ох, извини. Мне самой есть не хочется, вот я и не подумала... Сейчас принесу.

– Принеси. Только еще один вопрос. Почему ты уверена, что второй мужчина не мог появиться у Кати после вашего разговора? Допустим, она просто не успела тебе о нем сообщить. А?

– Ох, я уже не знаю. Замучил ты меня. Но мне кажется, что это не так. Я чувствую какую-то напасть. И то, что твои милиционеры ничего не узнали, меня только убеждает в этом.

* * *

Анна Ивановна вышла из метро «Беляево» и обнаружила небольшой рынок недалеко от подземного перехода. Внимательно изучила ассортимент, купила парную телятину, свинину, зелень, свежую и квашеную капусту, лук, морковь, свеклу, томатный соус, красный сладкий перец, сметану. Хороший украинский борщ понравится Игорю и вернет силы Кате, когда она вернется. Секрет оптимизма Анны Ивановны заключался в том, что она мысленно приближала позитивное разрешение сложных ситуаций. Сейчас она полностью сосредоточилась на желании, чтобы милая, нежная Катя оказалась дома – целая и невредимая. Думая о ней, Анна Ивановна купила яблоки, бананы, виноград и два граната. Сумка стала по-настоящему тяжелой. И все-таки Анна Ивановна не удержалась – остановилась у палатки с рассадой и семенами. Оранжерея в пентхаусе Дины стала для нее источником радости и вдохновения. Она поставила сумку на землю, сжала ее ногами и погрузилась в изучение ярких пакетиков.

– Возьмите эти ирисы, – раздался рядом женский мелодичный голос. – Я их открыла для себя в прошлом году и не могла нарадоваться. Такие богатые цвета, высокие и стоят до самой осени.

– Да? – Анна Ивановна посмотрела на женщину лет сорока, которая, как и она, с явным удовольствием выбирала семена. – Пожалуй, возьму, попробую. А то я розами увлеклась. Думаю, надо бы их чем-то разбавить. Ирисы подойдут.

Женщина улыбнулась.

– Чувствую родственную душу. Я тоже могу часами выбирать и думать, что с чем сочетается. Меня Валеи зовут. А вас?

Анна Ивановна представилась, с интересом разглядывая собеседницу. Нежный певучий голос совсем не вязался с крепкой коренастой фигурой и волевым лицом с неженственными, резкими чертами. Глаза у Вали оказались очень чистого голубого цвета.

Сделав покупки, они вместе пошли по улице.

– Вы здесь живете? – спросила Валя.

– Нет, первый раз приехала. К знакомым. А вы?

– Я живу в Ясенево. А здесь часто бываю. Муж привозит меня с утра, я хожу, семена, рассаду присматриваю. Тут богатый выбор. Так что заглядывайте сюда. Может, еще увидимся.

Женщины попрощались, и Анна Ивановна заспешила к Профсоюзной улице, где жили Катя и Игорь. Совсем свихнулась. У людей горе, а она развлечение себе нашла. В дверь Анна Ивановна на всякий случай позвонила. Игорь сразу открыл, и по его взгляду стало ясно, как он разочарован. Не вернулась, значит.

– Я Анна Ивановна. Дина прислала меня помочь вам. Вы отдыхайте. Я приберусь, обед приготовлю. Борщ сварю.

– Да, спасибо, – рассеянно кивнул он и ушел в спальню.

«Надо было купить ему водки», – с жалостью подумала Анна Ивановна.

* * *

Катя обнаружила себя в лесу. Брела без мыслей. В какой-то момент ей просто захотелось лечь на снег, покрытый твердой коркой, и закрыть глаза. Но она не остановилась. Как будто кто-то толкал ее в спину. Катя находила тропинку, теряла ее, вновь находила. Лес не кончался. И тут она услышала собачий лай. И пошла на него. Деревья поредели. Катя увидела на поляне большую серую овчарку, с любопытством уставившуюся на нее. Горячая радость вспыхнула у Кати в груди. Она узнала Ирму из соседнего дома, которую убил полгода назад кухонным ножом пьяный хозяин. Собака выжила! Ее спасли!

– Ирма! Ирмочка! – Катя бросилась к собаке.

– Это не Ирма, – холодно произнес незнакомый голос. – Вы что-то перепутали, девушка.

Катя растерянно смотрела на женщину с поводком в руке.

– Да? Извините... Вы не скажете, который час?

– Пять.

– А где начинаются дома?

– Вон там. Пройдите по этой тропинке несколько метров – и увидите... – Женщина внимательно посмотрела в Катины широко распахнутые, смятенные глаза, но ни о чем не спросила... Всем не поможешь.

Катя вышла к белым одинаковым домам и остановилась в ожидании какого-нибудь знака. Пять. Она сказала, пять. Сколько часов или дней она в пути? Когда появится то, что она ищет? Внезапный порыв ветра заставил Катю задрожать. Она стояла посреди какого-то двора, стараясь запахнуть куртку поплотнее. Из гаража медленно выехала синяя «Ауди». За рулем сидел крупный мужчина в темном костюме и белой рубашке. Небольшие цепкие глаза остановились

на Катином прелестном лице, скользнули по изящной, хрупкой фигуре в нелепом одеянии. Он открыл дверцу, вышел. Катя подумала: ждал меня. Но мужчина равнодушно отвел взгляд. Он расплылся в ленивой, снисходительной улыбке обладателя, адресованной девушке с короткой стрижкой, в песцовом полушубке. Обошел машину и открыл ей вторую дверь.

– Не холодно тебе, Дашуль?

– Ты что!

Девушка заметила Катю, вопросительно на нее посмотрела и бросила мужчине:

– Подожди минутку.

Она подошла, дотронулась до Катиного локтя.

– Эй, ты чего? Случилось что-то? Может, тебя подвезти?

Катя отрицательно помотала головой. Она не открыла рта, потому что боялась расплакаться. Ей хотелось попросить о помощи эту сильную, уверенную в себе девушку. Но что-то мешало. Кате все мешало. Хотелось кричать и одновременно стать невидимкой.

– Ну, смотри. Я предложила. Думай быстрее, а то мы спешим. Может, денег тебе дать?

– Нет, спасибо. Ты очень хорошая... – Слезы все-таки потекли из Катиных глаз. Даша почувствовала острую жалость. Но мужчина ей уже сигнализировал, сидя за рулем. Катя смотрела, как машина выезжает со двора. Даша помахала ей на прощание.

– Ты что, знаешь эту оборванку? – спросил он.

– Откуда? – буркнула Даша и подумала: «Надо было оставить ей телефон. Видно, крепко вляпалась девка».

Катя вздрогнула оттого, что кто-то то ли кряхтел, то ли хихикал за ее спиной.

– Видала? – ехидно поведала ей толстая старуха, умиротворенно сложив руки на большом животе. – Жена на работе, а он проститутку привел.

– Нет, – быстро сказала Катя. – Ничего такого я не видела.

* * *

– Нет, ты мне, падла, скажи, ты издеваешься? – остервенело тряс Вовку за плечи амбал-охранник. – Я не буду милицию вызывать, я сам тебя урою! Своих денег не пожалею, а «Мартины» это гребаное разобью на балде твоей упертой.

«Парень-то совсем больной, – в ужасе думал Вовка, закрывая глаза, чтобы они не вылетели от такого сотрясения. – Он разобьет!»

– Помогите! – закричал он тонким, плачущим голосом. – Есть тут начальство или нет?

– Есть, – спокойно произнес кто-то рядом. – Отпусти его, Валера. Я – менеджер торгового зала. Не знаю, помните ли вы меня, но я вас точно уже видел. И в такой же ситуации.

Вовка открыл глаза и с надеждой посмотрел на симпатичного молодого человека.

– Слушай, паренек! – горячо попросил он. – Отпусти ты меня. Не буду я больше. Ну, не сдержался. С кем не бывает?

– Честно говоря, так ни с кем не бывает. Вы регулярно пытаетесь вынести из магазина один и тот же набор продуктов. Как это понять? Мне просто интересно. Психоз, что ли, у вас такой?

– Да, – с готовностью признался Вовка. – Психоз такой. Мечта, в смысле. Хочу попробовать буржуйскую выпивку и закуску. Ну, нет так нет. Я пойду?

– Да вы посмотрите! – заорал вдруг охранник, вытаскивая у Вовки из кармана доллары. – Он же еще у покупателей тут ворует!

Дальше Вовкины объяснения уже никто не слушал. Приехал милицейский наряд, забрал и Вовку, и деньги. У машины милиционеры помедлили.

– В общем, так, – сказал один. – Или едешь с нами в отделение, даешь показания по поводу кражи, или завтра придешь сам. А то сегодня протокол нам некогда составлять.

- А деньги? – без особой надежды спросил Вовка.
- Деньги у нас остаются. Как вещественное доказательство.
- Не крал я их. Собачонка продал. Цуцика.

Менты радостно заржали. Вовка сделал несколько шагов в сторону и отчаянно завопил: «Мусора вонючие!» После чего бросился бежать, петляя между домами. Впрочем, он не особенно беспокоился о том, что его догонят. Впервые он честно заплатил за право сказать то, что думает.

* * *

Валя вошла в квартиру, отнесла на кухню тяжелые сумки, пошевелила отежшими пальцами. Посидела на табуретке, перевела дыхание и лишь потом сняла в прихожей куртку, вязаную шапочку и сапоги. Очень хотелось есть, она на мгновение представила себе чашку горячего крепкого кофе, стакан чаю с лимоном. Но тут же прогнала соблазн. Никаких вкусных, бодрящих напитков, никаких бутербродов с колбасой, пирожков, сдобных булочек. Валя давно уже истязала себя травяной диетой и такими же отварами. И даже почти убедила себя в том, что это не только полезно, но и вкусно. Она быстро натерла морковь, свеклу, порезала петрушку, капнула растительного масла и съела это без соли. Запила отваром ромашки из кувшина. Потом достала из сумки кусок свинины с жирком, как любит Дима, и порезала на толстые кусочки. Залив мясо винным уксусом, Валя приготовила все для разделки селедки. Сегодня у него будет то, что он считает полноценным ужином. Валя поставила в холодильник две бутылки светлого пива. Пожарила отбивные, приготовила салат, выключила газ под кастрюлькой с чуть недоваренной картошкой. Доварит, пока Дима будет переодеваться. У нее осталось несколько часов. Это ее время. Валя постоянно ждала мужа и сына, звонков от них. Нетерпение заглушала домашней работой, от уныния последней спасалась с помощью романов в мягкой обложке. И был у нее час, освобожденный от дел, забот, обязанностей и даже привязанностей. Час свидания с собой. Час любви, вдохновения и компенсации. Валя медленно раздевалась в прихожей у большого зеркала, ласкала взглядом свою пышную фигуру: тяжелые груди, полные бедра. Готовила ванну с травами, молоком и медом. Пожалуй, лишь этих минут она не сэкономила. Смазывала лицо и тело дорогим кремом, включала тихую музыку и лежала, закрыв глаза, втянув живот и вытянув шею, чтоб на ней не образовались складки. Затем смывала мягкой губкой крем и несколько минут стояла под прохладным душем, чувствуя, каким плотным и гладким становится ее тело. Выйдя из ванной в свежем махровом халате, Валя выпивала маленький стаканчик красного вина. Сладкая волна согревала грудь, омывала мозг. После этого она приступала к главному этапу. Садилась к туалетному столику с зеркалом, наносила на лицо и шею другой крем – нежирный, подтягивающий и тонизирующий кожу, расчесывала негустые темно-русые волосы и подкалывала их красивой заколкой, которую больше никогда не носила. Обычно она стягивала хвостик аптечной резинкой.

Валя долго смотрела на свое отражение. Любовалась розовой кожей, яркой, неестественной голубизной глаз. Подкрашивала губы бледной помадой. И доставала шкатулку. Сердце ее в этот момент всегда радостно замирало при виде изделий – не уникальных, но достаточно дорогих, подобранных со вкусом и знанием. Валя прежде всего доставала серьги с темно-синими сапфирами в обрамлении маленьких ярких бриллиантов. Надевала к ним золотую цепочку с кулоном в виде сердца из голубого топаза тоже с бриллиантами. Ее глаза начинали сиять как драгоценные камни. Затем наступал черед сережек с аметистами – крупные букеты из сиреневых камней с темно-розовым отливом. К ним подходило ожерелье из аметистов и золотых бусин. В шкатулке были изумруды, александриты, аквамарины – все изящное, яркое, обрамленное бриллиантами. Эти украшения демократично соседствовали с недорогими серебряными вещицами с бирюзой, речным жемчугом, янтарем, оливином, гранатом.

Как обычно, наигравшись всласть, Валя открыла шкаф и стала раскладывать на кровати небогатые наряды. И тут в ней поднялось раздражение. Эти неуклюжие платья, блузки скромных, то есть забитых расцветок совершенно не подходили к Валиным украшениям. Она вернулась к зеркалу с двумя резкими морщинами между бровями. Посмотрела на себя иначе – пристально, придирчиво. Ей показалось, что нежные сияющие камни не скрашивают, а лишь подчеркивают жесткость и резкость губ, носа, подбородка. Сняла все и бросила в шкатулку. Она вспомнила эти серьги в других ушах, маленьких, розовых, аккуратных, ожерелье – на тонкой и стройной шее. Камни казались вовсе не яркими, когда украшали чудесное лицо с огромными бархатными глазами и красивым ртом. Катино лицо.

Черт! Опять Катя. Даже эти спрятанные от всех минуты она умудрилась ей испортить. Надо же было вспомнить о Кате сейчас. Но и забыть ее совсем не просто. Ведь эти украшения Валя купила именно у нее. Всю жизнь мечтала о таких вещах, копила на них деньги, но совершенно терялась в ювелирных магазинах. Стеснялась обратиться к продавцам, не решалась примерить, боялась встретить насмешливый взгляд из-за того, что не умеет выбрать то, что ей подходит.

Однажды, листая газету «Из рук в руки», наткнулась на объявление: «Продаю серьги с сапфиром. Срочно». Так Валя познакомилась с Катей. Она купила эти серьги гораздо дешевле, чем они стоили. И была совершенно очарована новой знакомой. Такой милой, доброй, образованной, интеллигентной и совершенно бесшабашной в смысле денег. Катя была филологом. Писала рецензии для издательств, критические статьи для журналов, иногда ей удавалось получить хорошо оплачиваемый заказ. С каждого гонорара она покупала себе украшение. Выбирала тщательно, придирчиво, какое-то время не могла налюбоваться на свое приобретение. Но как только кончались деньги, а до зарплаты мужа надо было прожить несколько дней, она, не раздумывая, несла в ломбард свою радость и, как правило, не выкупала. Кто-то сказал ей, что можно быстро продать через газету. Она написала объявление, познакомилась с Валею, они подружились. Теперь у Кати не было проблем с куплей-продажей. Увидев на ней новое украшение, Валя начинала строить на него планы и дожидаться удобного момента. Она, конечно, знала о суевериях, связанных с приобретением чужих камней, но была уверена в том, что здесь ей ничего не грозит. Катя такой открытый, прелестный человек, практически без изъяна... Только теперь Валя поняла, что отсутствие изъяна – это, возможно, и есть главная опасность. От подобных людей нужно избавляться, чтобы не стать грязью под их ногами. Валя – сильный человек. Она решилась. Но, господи, как же хочется, чтоб события последнего времени оказались страшным сном.

Валя заставила себя подойти к телефону, набрала номер. Ответил Игорь.

– Здравствуй, Игорь. Катюша дома? – голос Вали звучал приветливо и ровно.

– Нет. Ее нет, – он явно не хотел разговаривать.

– Она скоро придет? В смысле – далеко пошла?

– Я не знаю, когда она вернется. И не знаю, где она. Извини, Валя, но я сейчас беспокоюсь, навожу справки и не могу занимать телефон. Она позвонит тебе. – Игорь бросил трубку.

Валя стояла, оцепенев. Во рту пересохло, она почувствовала дурноту. Нужно выпить воды, только ноги отяжелели и не отрываются от пола. Спокойно. Еще ничего не случилось. Все может объясниться просто, и она, Валя, окажется ни при чем. Для того чтобы набрать еще один номер, ей понадобилась вся решимость.

– Мне Ирину Анатольевну, пожалуйста. Это Валентина Гришина. Да, я жду, спасибо... Ирина? Это я. Хотела спросить. То есть я сейчас узнала, что Ка... Что ее нет дома. Это как-то связано с нами? Или...

– Думаю, да. Еще раз прошу вас не обсуждать дела по телефону.

– Конечно. Я только хотела... Вы помните, я не хотела, чтобы что-то случилось... Неправимое.

– Вот как? – Голос в трубке стал ледяным. – Насколько я помню, вы ко мне обратились не по поводу корзины роз для подруги. Пока ситуация под контролем.

– Я могу приехать... расплатиться?

– Да. Звоните секретарю.

Вот оно. «Деньги после результата». Валя прислонилась к стене, кровь отлила от сердца, от головы. Она знала, что лицо у нее сейчас пепельно-серое. У нее было такое кровообращение.

Глава 4

Ближе к вечеру неожиданно выползло почти весеннее солнце. Вот это, наверное, знак, – подумала Катя. Она ходила из двора во двор, читала таблички с адресами, но они ей ни о чем не говорили. Она не помнила своего адреса. Может, она уже прошла всю Москву, может, пришла в другой город, но не устала. Была даже неясная надежда на то, что ее где-то ждут. У белого павильона на холме стояла очередь с пустыми пластиковыми бутылками и бидонами. «Вода», – Катя с трудом сглотнула. Слюны почти не осталось в пересохшем рту. Она прочла надпись: «Святой источник» – и подбежала. Люди смотрели на нее равнодушно и угрюмо. Катя на мгновение задумалась: встать в конец очереди или попросить разрешения глотнуть из родника прямо сейчас, подставив ладони. Но тут взгляд ее упал на маленький столик. Все клали туда деньги. Катя молча повернулась и пошла прочь.

Она брела по каким-то улицам, иногда останавливалась у незнакомых подъездов, прислушиваясь к себе. Вдруг страшный спазм сжал горло, грудь, боль мгновенно распространилась по всему телу, и невозможно было понять – это сердечный приступ или разрывает душу тоска. Я одна! Я совсем одинока! И места на земле для меня просто не существует. Кате хотелось завывать, броситься на землю, умолять ее о смерти. Но проклятое воспитание... Оно не позволило ей даже застонать. Катя сжала зубы и подняла голову к солнцу. Помогите мне, господа, хотя бы исчезнуть!

И тут боль прекратилась. Катя не слышала звуков, но мозг принял четкую команду: «Домой». Перед ней как будто появилась невидимая надпись с названием улицы и номером дома. Как туда попасть? О том, чтобы обратиться к прохожим с вопросом, почему-то не могло быть и речи. Катя медленно вошла во двор какой-то школы. Под деревом стояла группа ребят, громко звучала песня: «Пять минут ходьбы. Солнце спину лижет...» Александр Новиков. Катя очень любила эту песню. Она остановилась послушать и вдруг поняла – это и есть подсказка. Солнце покажет ей дорогу домой. Она повернулась так, чтобы солнце оказалось у нее за спиной, и уверенно пошла вперед. Когда солнечный луч начинал светить ей в лицо, она поворачивала.

* * *

Анна Ивановна сделала генеральную уборку в Катиной квартире, приготовила полный обед, купила-таки Игорю бутылку водки и даже заставила его проглотить тарелку борща. Несколько раз звонила Дина, пару раз Сергей, один раз Валя, Катина подруга, но ни Кати, ни информации о ней не было. Игорь нервничал все сильнее. Анна Ивановна поняла, что ему хочется остаться одному. Она вернулась к Дине подавленная: «Если ничего плохого не случилось, то почему она не звонит? Я не понимаю».

– Если бы плохого не случилось, она бы не ушла из дома, – печально ответила Дина.

Анна Ивановна занялась уборкой, цветами. Дина позвонила знакомому ветеринару, чтобы зашел посмотреть Чарли. Вспомнила: надо было у Сергея спросить, не говорят ли ему о чем-нибудь цифры на ошейнике. Так трудно сейчас на чем-то сосредоточиться. Она поднялась к себе в спальню, полюбовалась прекрасной картиной: Топик спит на кровати, развалившись на трех подушках, Чарли вытянулся на пушистом ковре рядом с камином. У Дины еще сильнее заняло сердце. Она очень ясно представила себе Катю, детали ее внешности, поведения. Трудно вообразить человека, более привязанного к дому. Она в своей маленькой квартирке, как хорошенькая птичка в гнезде, постоянно что-то украшала, улучшала, создавала уют.

Защищала себя, сына, мужа от холодного, жестокого мира. Была перестраховщицей и трусихой. Получается, не защитила?

Они познакомились в пору добровольного заточения Дины во дворе ее бывшего дома, у старой трубы теплоцентрали, в которой родила щенков бездомная собака. Обе ходили их кормить. Выяснили, что их объединяет страстная любовь к животным. Они жили в соседних домах, в квартирах бабушек, в тихих кооперативных пятиэтажках. Дине было двадцать шесть, Кате – тридцать четыре. Со временем знакомство переросло в настоящую дружбу. Когда жизнь Дины резко изменилась, Катя радовалась за нее, но очень переживала, что они теперь живут далеко друг от друга и, как закоренелые лентяйки, не смогут часто видеться. Дина хотела купить ей хорошую квартиру, машину. Катя наотрез отказалась от любой материальной помощи. Но тут вмешалась сама жизнь. Катин сын, Павлик, кончал школу, уверенности в том, что он поступит в институт, не было. Зато маячил призрак военкомата. И Дина взяла на себя обязательства по обучению Павлика в Гарвардском университете и поддержанию достойного уровня его жизни.

Будет ужасно, если Павлик позвонит родителям. Сейчас, когда Кати нет, а Игорь в таком состоянии, что не сможет толком ничего сочинить. Дина подумала о том, чтобы самой позвонить Павлику, – как будто без повода. Просто узнать, как дела, сказать, что дома все в порядке. Но тут же отбросила эту мысль. Врать близким людям она не умела. И потому позвонила в Америку своему поверенному в делах Филиппу Нуаре.

– Филипп, мне просто очень захотелось узнать, как там мой крестник. Ты присматриваешь за ним?

– Что за вопрос, Дина?! Павлик – очень талантливый мальчик. Его профессор видит для него большую перспективу. Он занимается спортом.

– Филипп, я думаю, пора приобрести ему в собственность хорошую квартиру. Так, чтобы он мог родителей вызвать и вообще...

– Я очень одобряю эту мысль.

– Сможешь заняться этим прямо сейчас?

– Конечно.

– Но обязательно привлекли его к поискам, выбору, пусть он сам решит, как ее оформить, обставить. Я хочу, чтобы он сразу почувствовал, что это его дом.

– Понял. Нахожу его, и мы начинаем действовать.

– Очень хорошо. Спасибо. Да, передай ему, пожалуйста, что дома все в порядке. Его мама делает одну серьезную работу, поэтому много времени проводит в редакции. Папа в командировке. Но как только они освободятся, позвонят ему. Целую его и тебя. Звони!

Дина нервно походила по комнате, взяла со стола ошейник Чарли, но тут же отложила его в сторону. Это может подождать.

* * *

Им, конечно, приходилось расставаться за девятнадцать лет брака, которому предшествовали четыре года сумасшедшей школьной любви. Недолгие расставания были всегда связаны с его командировками. Игорь работал оператором в телецентре. И не было случая, чтобы он позвонил из другого города, а Кати не оказалось дома. Хотя жена, естественно, не сидела безвылазно в квартире. Она ездила по делам, обожала ходить по магазинам, общалась с подругами. Просто всегда чувствовала, когда он должен позвонить. Иногда понимаешь, какой простой и окончательный смысл выражают некоторые банальности. Проросли друг в друга. Стали одним существом. Черт побери, это же действительно так. И если она в своем помешательстве забыла об этом, что же делать ему? Как жить, чувствуя себя не человеком, а кровоточащей половиной? Игорю было так больно и тяжело дышать, что он уже несколько часов лежал непо-

движно, боясь еще больше расшевелить эту боль. Наконец огромным усилием воли он заставил себя встать, дойти до кухни, взять из холодильника бутылку водки, купленную Анной Ивановной. Он пил прямо из горлышка и, когда способность двигаться вернулась к нему, стал обходить квартиру, круг за кругом, без мыслей, чувствуя, как отсчитывает мгновения его пульс. Остановился для того, чтобы допить бутылку. Вещи вдруг оживленно завертелись перед его глазами...

Сергей долго звонил в дверь, затем толкнул ее и обнаружил, что она не заперта. Он окликнул: «Есть кто-нибудь?» Потом прошел в спальню и обнаружил Игоря, который свернулся клубочком на ковре у кровати и крепко спал, тяжело дыша и временами горестно постанывая. Рядом с ним стояла пустая бутылка из-под водки.

– Все ясно, – вздохнул Сергей. – Яснее просто не бывает.

* * *

Катя вернулась домой ночью. К своему дому она почти бежала. Взлетела на четвертый этаж, толкнула дверь: она оказалась открытой. Игорь, полностью одетый, спал на кровати. Рядом на тумбочке стояла пустая бутылка водки. Катя склонилась к его лицу... Красные веки, мокрые щеки. Он плакал? Наверное, видел страшный сон. Катя вышла в прихожую, сняла влажную, грязную одежду, переступила через нее и пошла в душ. Теплые струи оживляли, успокаивали, радовали ее тело. Катя тихо запела: «Пять минут ходьбы. Солнце спину лижет...» Голос ее окреп, зазвучал выразительно, звонко, нежно. Катя вышла из душа, не вытираясь, прошла в спальню и остановилась перед большим зеркалом. Никогда еще она не казалась себе такой красивой. Лицо – цветок, тело богини – все в капельках воды. Катя подняла высоко густые волнистые волосы и встретила в зеркале взгляд Игоря.

– Господи, что это? – с мукой произнес он. – Ты как-то ненормально прекрасна. И по-прежнему сумасшедшая. Где ты была?

* * *

Дина старательно перемешивала в глубокой вазочке деревенский творог с густой сметаной. Добавила сахар, немного ванили. Подумала и налила в смесь яичного ликера. В большую фарфоровую кружку с порошком «кола-као» налила кипящего молока и тоже тщательно размешала до появления розовато-бежевой пены. Вынула из духовки разогретые хачапури. Поставила на поднос и немного постояла у кухонного стола, чтобы «надеть» на лицо спокойное и веселое выражение. Как же тяжело общаться с незнакомым человеком, лишь внешне похожим на подругу Катю. Когда Игорь позвонил утром и сказал, что она вернулась, Дину неприятно задело, что в его голосе нет настоящей радости. «Может, все-таки дело в нем? – вновь подумала она. – Сам ее довел и сам же переполох устроил».

Но когда она вошла в квартиру, увидела Катю, которая сидела на кровати в вечернем платье и рассматривала под светом торшера свои украшения, то сразу поняла, что на простое объяснение ситуации рассчитывать не приходится. Катя посмотрела на Дину отрешенным взглядом, узнала ее, но не обрадовалась, не удивилась, только сказала: «Смотри, как чудесно сияет этот камень, у меня просто глаз не хватает, чтобы налюбоваться им».

– Видишь, как... – упавшим голосом пробормотал Игорь.

– Да. Но она все-таки дома, – Дина старалась говорить бодро. – Понимаешь, главное – она дома, и мы спокойно во всем разберемся. Ты покормил ее?

– Она ничего не хочет. А меня вообще не видит и не слышит.

– Погоди. Я сейчас. Я принесла кое-что. Анна Ивановна с утра специально на рынок ездила.

Дина привезла парное мясо, красное вино, овощи, острые приправы, которые так любила Катя. Но, увидев ее, приготовила младенческий вариант питания. Даже кофе решила ей не давать.

– Ну-ка, оставляем все эти штучки-дрючки, – радостно и не слишком фальшиво провозгласила Дина, войдя с подносом в спальню, – и приступаем к завтраку.

Катя не повернула головы. На этот раз она с восхищением смотрела в зеркало с ручкой на крупный крест с аметистами, который висел на ее шее.

– Катя... – уже менее уверенным голосом позвала Дина. – Отвлекись на пять минут. Тебе нужно поесть. – Она поставила поднос на тумбочку у кровати и легонько сжала Катин локоть. Та, не глядя, нетерпеливо освободилась и продолжала любоваться своим отражением. Она даже не повела взглядом в сторону Дины, лишь подняла и опустила длинные, сильно накрашенные ресницы. Как будто занавеску задернула. «Она же никогда не красилась дома, – подумала Дина. – Приходила, и с порога сразу в ванную – смывать макияж. Что же это все значит?»

– Слушай! – Игорь решительно подошел к Кате и сильно встряхнул ее за плечи. – Может, ты прекратишь, наконец, заниматься фигней! Тебе человек через всю Москву пожрать привез. А ты выпендриваешься, как идиотка!

– Подожди... – Дина собиралась сказать что-то примирительное, но осеклась, взглянув на Катино лицо. Гладкий лоб прорезали две гневные морщины, ноздри вздрагивали, а взгляд, казалось, должен был испепелить того, кто ей сейчас так не нравился. Это был убийственный сплав презрения, ненависти и страха. На Игоря взгляд подействовал, как сильный удар по лицу. Он сначала покраснел, затем кровь отхлынула, резко выделились скулы на осунувшемся лице. Дина с ужасом увидела, как его крупная рука сжалась в кулак и поднялась.

– Нет! – она рванулась к нему и вонзила острые ногти в его плечи. – Не вздумай, – прошипела она. – Успокойся! Выйди на кухню. Нам с Катей нужно поговорить.

Игорь бросился из комнаты, свалив по дороге стул, заваленный каким-то тряпьем. Дина опустилась на кровать, дрожащими руками притянула к себе Катю, прижалась губами к копне ее душистых волос.

– Ты ничего не бойся. Не переживай, – зашептала она. – Мы во всем разберемся, со всем справимся. Все будет хорошо. Тебя все любят.

Катя отстранилась и внимательно посмотрела Дине в глаза. Ее лицо было бледным, страдальческим.

– Ты понимаешь, Дина, мне необходимо от него избавиться. Он убивает, душит меня своим присутствием. Мне нужно остаться здесь без него.

– Но почему? Зачем тебе оставаться без него? Ты не можешь без него. Что-то случилось, и ты перестала это понимать. Но это пройдет. Возможно, ты сейчас не совсем здорова, Катюша. Я не понимаю, конечно, в чем дело. Но вижу, что у тебя появилась большая проблема. Точнее, она в тебе.

– Да, эта проблема – он, – Катя кивнула в сторону кухни. – А тебе я потом объясню. Просто я должна быть свободной... То есть мне трудно сказать конкретно, но я знаю, что произойдет что-то важное. Очень скоро. Я только жду знака.

– Как ты об этом узнала? Тебе кто-то сообщил о чем-то? Сказал? Написал? Намекнул? Кто? Когда? Дорогая, ты можешь мне ответить хотя бы на один вопрос?

– Нет, мне никто ничего не говорил. Ну, то есть так примитивно, как ты имеешь в виду... Я получаю знаки, команды, но со мной связываются на расстоянии... Но ты мне, конечно, не веришь. – Катин взгляд стал холодным, почти враждебным. – Тогда и ты оставь меня в покое. Мне никто не нужен.

– Ничего, – упавшим голосом пробормотала Дина. – Я постараюсь тебе не мешать. Я попробую что-то понять, если ты захочешь получше объяснить. А пока я немного у вас побуду. Ты поешь?

Изысканная, воспитанная Катя с младенческой непосредственностью сунула палец в вазочку со сладкой смесью, старательно облизала его, одобрительно хмыкнула и жадно проглотила несколько ложек. Затем вытерла рукой рот и небрежно сказала:

– Унеси это. Мне некогда.

На кухне Дина аккуратно и молча поставила продукты в холодильник, села рядом с Игорем, который даже не поднял головы, и тихо произнесла:

– Боюсь, нам с тобой придется принять очень непростое решение.

* * *

Стройное, мускулистое, загорелое тело с гладкой, будто отшлифованной кожей напряглось на мгновение, а затем содрогнулось, забилося под ним. Он закрыл ладонью влажный горячий рот, заглушая хриплый ликующий стон. Анжела. Он никогда прежде не встречал женщину, в такой степени помешанную на сексе. Она может запланировать тысячу дел на день, решать одновременно множество сложных проблем, быть усталой, подавленной, удрученной из-за каких-то неприятностей, но всегда найдет время для того, чтобы закрыться с ним на полчаса. Все равно где: в спальне своего коттеджа, в номере мотеля, в сауне, раздевалке бассейна, машине. И сразу же для нее перестает существовать все остальное: работа, проблемы, муж, дети. Все, что не имеет отношения к жаркому, нестерпимому удовольствию, которое для нее, возможно, и есть смысл жизни. Интересно, сколько еще мужчин знают ее тайну? Как она их выбирает? Имеет ли для нее значение если не любовь, то хотя бы эмоциональное влечение к человеку? К мужу, скажем, или к нему, Дмитрию? Он не любил Анжелу, ему все чаще хотелось освободиться от этих порабощающих отношений, но ему было бы неприятно узнать, что она спит с ним только потому, что он всегда под рукой.

Разгоряченная влажная спина Дмитрия коснулась прохладного шелка простыни. Он блаженно закрыл глаза и чуть было не забылся сладким сном, но на тумбочке Анжелы уже чирикал мобильный телефон. Лицо ее стало независимым, отстраненным, она резко и коротко отвечала на вопросы. Это значит – их время истекло. Продолжается трудный и ответственный рабочий день. Они слаженно встали, сходили по очереди в душ, быстро оделись, вышли, в машине синхронно закурили. Анжела взглянула ему в глаза и не сразу отвела взгляд. Что-то неожиданное, чего он не замечал раньше, вдруг промелькнуло в ее глазах. Неужели нежность? Он даже в мыслях не произнес слово «любовь». Дмитрию стало не по себе. С одной стороны, конечно, ему лестно, как любому мужчине. Анжела – эффектная женщина, интересный человек. С другой – упаси меня бог от страсти этого вулкана.

Они молча приехали в офис, принадлежащий Петру, мужу Анжелы и бывшему сокурснику Дмитрия. Несколько лет назад Петр окликнул его на автозаправке. Дмитрий не сразу узнал сутулого, вечно озабоченного неосуществимыми коммерческими проектами приятеля в солидном, уверенном в себе бизнесмене. Тот понимающим взглядом окинул Димину старую «девятку», дешевые джинсы и майку и сразу заключил:

– Частный извоз. Детишкам на молочишко. Бросай это сию минуту! У меня фирма по нашему профилю. Проекты домов для приличных людей. Именно тебя мне как раз и не хватает.

Так Дмитрий Гришин, безработный, окончивший архитектурный институт с красным дипломом, был спасен Петькой Ивановым, которому тройка на экзамене без шпаргалки сроду не снилась. Так Дмитрий познакомился с Анжелой, Петькиной женой, которая владела филиалом фирмы мужа и занималась дизайном интерьеров. Петр – большой начальник – занимался организацией крупных заказов, а жену его по делам возил в основном Дмитрий. Так она хотела.

Анжела, чуть кивнув на прощание, быстро прошла в широкий светлый коридор, украшенный причудливыми светильниками и креслами в стиле модерн. Дмитрий направился в свой

скромный, заваленный бумагами кабинет и провалился в дела. Когда поднял голову, за окном было совсем темно, а вокруг – тишина. Ни шагов, ни голосов. Все уже разошлись по домам. Он быстро собрался, спустился к машине, набрал домашний телефон:

– Я еду, Валя. Нам ничего не нужно?

– Нет, все есть. Ужин на плите. Приезжай поскорее, я жду тебя.

Его всегда радовал и успокаивал мелодичный, ровный голос жены. Услышав его, он думал о том, как ему повезло. Валентина. Преданная, надежная, по-женски трепетная и по-человечески сильная и открытая ему до самой маленькой, случайной, незначительной мысли.

* * *

Пошел мокрый густой снег. Дина стояла у подъезда пятиэтажного дома, безуспешно пытаясь справиться с дрожью. У нее даже зубы стучали. Пальто из лайки оливкового цвета, подбитое серебристой норкой, с большим меховым капюшоном, спасало ее от ветра и сырости, но сердце тоскливо ныло от ледящей тревоги, страха, жутких сомнений в том, что она поступает правильно. Полчаса назад она буквально заставила Игоря вызвать психиатрическую неотложную помощь. Сначала он и слышать об этом не хотел.

– Ты сама с ума сошла! – кричал он. – Ее там замучают, заколют, может, даже избьют. Ты что, не понимаешь, что это за место? Ты забыла, в какой стране мы живем?

– Игорь, мы узнаем у врачей неотложки, в какую больницу ее повезут. И тут же мой секретарь Алена помчится к главврачу. Объяснит ситуацию, отстегнет нужную сумму, потребует лучшего в Москве врача. Ты пойми, на дому с этой напастью нам не разобраться. Здесь нужны специалисты и клинические условия.

– Ни за что! Специалисты? Специалисты по созданию инвалидов. Одним уколом! И никакой секретарь не сможет этому помешать.

– Я клянусь тебе. Поверь, у меня есть своя информация. Отец моего покойного мужа был министром здравоохранения. Очень добрый человек, он помогал людям в самых сложных ситуациях. Я немножко освоила механизм использования отечественной медицины в мирных целях. Пока у нас не будет гарантий, что Катю посмотрит лучший врач, мы не позволим дать ей ни одной психотропной таблетки. Никаких уколов. Ну, поверь мне раз в жизни. Если нам не понравится государственная больница, завтра мы начнем искать самую дорогую частную клинику. Я не делаю этого сейчас, потому что именно с частной медициной мы можем не справиться. Вот там слишком старательно лечат и умело затягивают процесс. Мы с Сергеем занимались такими делами. Я тоже люблю Катю и больше всего на свете хочу, чтобы она стала прежней. Но для этого нужно решиться. Надо решиться и ничего не упустить. Ради сына, ради самой Кати. Ты не можешь вечно сидеть с ней взаперти и скрывать этот кошмар. Ты не можешь круглосуточно не спать, наконец.

Он сдался. Но он почти умер. Еле говорил, не мог поднять руки. Бессильно сидел в углу кухни и смотрел перед собой страшными страдальческими глазами. Перед тем как спуститься вниз, к подъезду, Дина попросила его:

– Слушай, не сиди так. Встань. Покури, выпей воды, умойся. У тебя такой вид, что, боюсь, как бы и тебя не забрали.

– Какая разница! – махнул он рукой.

Дина знала, что Алена уже развила бурную деятельность. Она связалась с бригадой «Скорой», которая едет сюда, и с больницей, куда повезут Катю. Вызвала из дома главврача. Продолжает консультации с нужными людьми и даже собирается за оставшееся время заскочить в лучшую платную клинику. И все равно Дине хотелось тихонько поскулить, так болела душа. Как всегда в подобных случаях, машина приехала слишком быстро. Дина пристально смотрела на двух мужчин в белых халатах, которые торопливо шли к подъезду. Вроде ничего, прилич-

ные, ничуть не похожи на страшных санитаров психушек, которых показывают в кино. Может, это вообще врачи. Но если они скажут или сделают что-то не то, Дина их выгонит.

– Вы, видимо, нас встречаете? – спросил один из них.

– Да. Мы с мужем моей подруги вас вызвали. Но я хотела бы сказать, прежде чем мы туда пойдем...

– Может, не будем терять времени, – прервал ее второй. – Нам уже звонили. Случай непонятный, особый, и все такое... – он улыбнулся.

У Дины перехватило дыхание.

– Нет, вы, пожалуйста, сразу и здесь поймите, что это не «все такое», а действительно особый случай. Иначе мы просто никуда не пойдем.

– Не надо так волноваться, – врач перестал улыбаться. – Мы постараемся не напугать вашу подругу. Наша задача – просто доставить ее в стационар. Подробнее вы расскажете все лечащему врачу. Насколько мне известно, по этому поводу уже звонили и в больницу. Пойдемте. – Врач взял Дину за локоть и легонько подтолкнул к подъезду.

Они поднялись на четвертый этаж, Дина толкнула незапертую дверь и сразу наткнулась на больной взгляд Игоря.

– Спокойно, – быстро сказала она. – Все будет нормально. Пропусти врачей к Кате.

Катя, все в том же вечернем платье, с очень ярким макияжем, стояла на коленях посреди кровати, на которой были разложены летние платья, светлые блузки, цветастые юбки, сумки и босоножки. Она вынимала украшения из шкатулки и прикладывала их к нарядам, видимо формируя ансамбль. Когда Дина окликнула ее, она не сразу подняла голову. И вдруг увидела незнакомых людей в белых халатах. Глаза стали огромными на бледном лице. Губы беспомощно и жалобно приоткрылись, подбородок задрожал... Все остальное Дина воспринимала как кошмарный сон. И, как во сне, не могла ни двигаться, ни говорить. Только смотрела сквозь слезы, как один врач надевает на Катю сапоги, другой пытается вытащить из ушей золотые серьги. Одну снял, а вторую не смог. Махнул рукой и принялся утешать Катю. А она смотрела на всех, словно на палачей, и, сунув руки в рукава длинного кашемирового пальто, которое ей подал доктор, пошла к двери, как идут приговоренные к казни.

На улице, поднимаясь в машину, Катя повернулась к Дине и мужу. На ее ресницах и щеках блестели слезы. Она скользнула взглядом по Дине и прямо посмотрела на Игоря.

– Пусть он не едет, – Катя протянула руки вперед, как будто преграждая путь самому страшному врагу. Игорь закрыл лицо руками и зарыдал.

Было совсем темно, когда машина «Скорой помощи» подъехала к мрачному зданию больницы за высоким бетонным забором. Дина беспокойно взглянула в окно и крепко сжала Катину руку. Они вышли, и Дина сразу увидела элегантную даму в шубе из голубого песка, которая прохаживалась у ворот, как по подиуму на Неделе высокой моды. Она спокойно подошла к ним и радушно повела к воротам.

– Вам туда нельзя, – нервно сказал ей один из врачей.

– Можно, – улыбнулась Алена. – Я как раз оттуда. Меня пригласила поговорить Зинаида Васильевна, главврач. Мы вообще-то не закончили. Я за вами выскочила.

Дальше события развивались для Дины как бег в тумане по болоту. Они прошли мимо дружно задремавших охранников, едва не переломали ноги в чудовищном сквере, звонили в двери без ручек, шли мимо убогих, переполненных палат, откуда на них смотрели измученные, тоскливые или слишком радостные глаза. В отделении их с распростертыми объятиями встретила полная голосистая тетка, которая и оказалась главврачом. Она так преданно смотрела на Алену, что стало ясно: факт передачи денег состоялся. Дина немного послушала басни о том, как хорошо будет «нашей Катюше», потом отвела в сторону Алену.

– Дорогая, мы уезжаем. Я не оставлю Катю в этом кошмаре.

– Подожди. Я ничего тебе еще не сообщила. Самый лучший в Москве или в мире психиатр консультирует именно в этом кошмаре. Он уже старый и лечащим врачом бывает только в исключительных случаях. Как, например, в нашем. Я заскочила в две лучшие частные клиники. Что называется супер-пупер: цветы, кондиционеры, отдельные палаты, черная икра на полдник. Врачи похожи на Джорджа Клуни в «Скорой помощи». Пациенты гуляют по коридорам в роскошных халатах – все как один умиротворенные и счастливые. Понимаешь? В такие заведения, как наше, люди попадают после драм, трагедий, неудавшихся самоубийств и тому подобного. Для них естественно страдать, а не порхать над пальмами в слабоумной эйфории от слишком хороших лекарств.

– Алена, страдать можно и в человеческих условиях!

– Дина, у нас такой выбор: страшноватые условия и настоящий специалист или все прекрасно, как на том свете, а мозги пудрит неизвестно кто с оттопыренными карманами.

Потом Дина смотрела сквозь пелену слез, как Катю, ставшую совсем крошечной в неуклюжем фланелевом халате, повели по коридору. Алена крепко сжала ей локоть.

– Ничего. Утром я соберу для нее вещи, передачу, узнаю, когда ее посмотрит профессор. И сразу приедем. Думаю, соблюдение дней и часов приема нам не грозит. Если, конечно, тетя-главврач умеет считать. Идем в машину, я отвезу тебя домой, а сама заеду к этому бедняге, который, как ты говоришь, остался рыдать у подъезда.

– Нет, мы вместе.

– Никаких вместе. Ты б на свое лицо посмотрела. Ты можешь сейчас только слиться с ним в рыданиях. А я либо попробую его в сознание привести, либо вырублю до утра хорошим снотворным, чтобы глупостей не наделал.

Они сели в серебристую «БМВ» Алены, выехали на темную улицу. Дина, наконец, почувствовала, как устала. Она откинулась на спинку и с благодарностью взглянула на четкий профиль Алены, на ее крупные, сильные руки, безусловно прямую спину. Их познакомили год назад, когда подруга и секретарь Дины вышла замуж за главного менеджера их с дядей фирмы Филиппа Нуаре и стала сопровождать мужа по миру. Дине казалось, что никто не заменит ее. Но Алена поразила ее с первого взгляда. Высокая, худая, резковатая, с короткой стрижкой и прямым взглядом темных глаз, она была похожа одновременно на искреннего подростка, опытную женщину и благородного рыцаря. Дина предложила ей работу и ни на секунду об этом не пожалела. Она приобрела новую подругу, надежную опору, умного советчика. Дина прикрыла глаза.

– Я подремлю, – пробормотала она. – Я верю в тебя больше, чем в Конституцию.

* * *

Валентина Гришина, счастливая жена и мать, благополучная хозяйка дома, шла уверенной, решительной походкой человека, осознающего свою значимость и место в жизни. Полные ноги легко несли пышное, крепко сбитое тело. Никто бы не догадался, что Валентина не чувствует под ногами земли. Что сердце ее сорвалось с места и то трепещет, то замирает. Если бы кто-нибудь сумел заглянуть за ширму гладкого лба, за невыразительный взгляд голубых глаз, крепко сжатые губы – тот попал бы в ад.

Валентина остановилась у подъезда шестнадцатиэтажного жилого дома, спрятанного в настоящем лесу. Тропарево. Валя приезжала сюда летом с мужем и сыном. Купались, загорали, жарили шашлык, чувствуя себя на курорте. Валя тогда не знала, что в том лесу водятся настоящие ведьмы. По крайней мере, одна. И сейчас ей кажется, что она ощущала себя тогда счастливой именно потому, что не знала этого. Первый подъезд обычного дома был богато облицован белым и зеленым мрамором. Дверь из дорогого дерева таила в себе стальное содержание, глазок наружного наблюдения деликатно скрыли в изящных архитектурных украшениях. Валя

прикоснулась к незаметной кнопке, и массивная дверь открылась с легким щелчком. В просторном холле, украшенном живыми цветами, сидел на кожаном диване широкоплечий молодой человек с приятным, доброжелательным лицом. Валя взглянула на него нетерпеливо и зло, как на ненужного свидетеля. «Что за работа для такого богатыря! Швейцар при колдунье! Сидит целый день у телевизора. Костюм дорогой... А почему нет? Несчастных дур, которые оплачивают его безделье, сколько угодно». Валя холодно кивнула и быстро прошла в разьежавшуюся перед ней стеклянную дверь. Секретарь Вера подняла голову и уставилась на Валу, как той показалось, с жадным любопытством.

– Здравствуйте, Валентина Сергеевна! Вы сегодня ко мне, или вам нужна Ирина Анатольевна?

– Разумеется, к вам: нам нужно рассчитаться. А потом, надеюсь, меня примет Ирина Анатольевна, – сухо проговорила Валя.

– Я думаю, примет. Пойду спрошу. Там осталось только два человека. Посидите пока.

Вера вышла в другую комнату, вернулась и радостно сообщила:

– Все в порядке. Вы подождете?

– Посмотрим, – сквозь зубы процедила Валя и открыла сумку. Она аккуратно положила перед Верой три пачки стодолларовых купюр, по десять в каждой.

– Мы, кажется, так договаривались?

– Да. – Вера небрежно смахнула деньги в ящик стола. – Это за работу до сегодняшнего дня. А дальше – как вы с Ириной Анатольевной решите. – Вера немного помолчала, глядя на замкнутое лицо Валентины, затем поерзала на стуле и вкрадчиво спросила: – А как у вас дела? Немножко наладились?

– Конечно, – Валя посмотрела на секретаршу с вызовом, почти гневно. – Кажется, мой заказ выполнен. Человека мы погубили. И, возможно, не одного. Если не одного, мне придется доплачивать?

– Не-ет, – протянула Вера. – Только как договаривались. А что это вы так настроены? Ирина Анатольевна, между прочим, никому ничего не навязывает. Она делает то, о чем ее просят. А если кому-то становится плохо... То, знаете, это вам же во спасение. Помните, какая вы в первый раз пришли? И неизвестно, что бы с вами было, если бы Ирина Анатольевна не вмешалась... А что все-таки случилось? Ну, с человеком, за которого вы... – Вера выразительно кивнула на ящик стола, куда положила деньги.

– Ничего. У меня нет претензий. Я могу пройти в приемную?

– Пройдите, – Вера недовольно пожала плечами. Валентина вошла в маленькую уютную гостиную, где стояли двухместные диванчики с вышитыми темно-красными розами на обивке и элегантные журнальные столики со светильниками под розовыми абажурами. В гостиной ждали две женщины. Валя села так, чтобы они не видели ее лица.

Глава 5

Профессор Константин Николаевич Тарков открыл свой единственный голубой глаз и сердито уставился на старинную люстру над кроватью. Он не хотел вставать, видеть постное, обиженное лицо жены. Организм, захваченный в плен похмельным синдромом, сопротивлялся необходимости водных процедур, а душа требовала совсем немногого: нескольких спасительных глотков спиртного. Но Константин Николаевич знал: все остальное человечество озабочено сейчас одним: отказать ему в этой малости, без которой войти в новый день совершенно невозможно.

– Нина! – жалобно простонал он и внимательно прислушался. За дверью было по-прежнему тихо. – Нина! – крикнул он требовательно и нетерпеливо. – Что творится, черт побери! Ко мне могут, наконец, подойти! Нина! Я кому говорю!

Дверь кабинета, где он провел ночь, и не подумала открыться. А на пороге все не появлялась та, которой, видимо, доставляет удовольствие мучить его по утрам. Она ведь лучше всех знает: сильнее свирепой жажды его душат сейчас угрызения совести. Он, конечно, вчера шумел и обижал свою милую, но такую бескомпромиссную Ниночку. Но что же теперь ему делать: подыхать из-за ее глупых обид? Она же знает, что он не может без нее, что он сейчас вообще ничего не может.

– Ниночка! – взревел Константин Николаевич в отчаянии и страхе. – Ты дома? Ты жива? Ниночка!

Он нашарил на полу свою палку с массивным набалдашником и стал колотить ею в стену. Дверь открылась. На пороге стояла жена, как всегда, с утра тщательно причесанная, полностью одетая, с непроницаемым выражением лица.

– Тебе что-нибудь нужно? – холодно осведомилась она.

– Очень нужно, – взволнованно ответил он. – Мне надо, чтобы на меня посмотрели не как на прошлогодний снег. Чтобы подошли, погладили, в идеале – поцеловали. И чтобы все это сделал не кто-нибудь, а моя единственная, родная жена.

– Нет, – произнесла Нина голосом его первой, самой ненавистной учительницы. – Что-нибудь еще?

– В таком случае да. Что-нибудь еще, – он попытался растравить в себе обиду, чтобы просьба звучала убедительнее. – Что мне остается, кроме двух бутылок пива? Ниночка, я прошу тебя, позвони собачнице Тасе, чтобы их принесла. Ты же знаешь, мне необходимо преодолеть недомогание, собраться. У меня столько важных дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.